

СЕКРЕТАРИАТ
НАРОДНОГО КОМИССАРА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

139
Ст. Воронцов а

ОСОБЫЙ СЕКТОР ЦК ВКП(б)

389

тов. ДВИНСКОМУ.

9 " октября 1936 г.
№ 2924се

По приказанию тов. К. Е. ВОРОШИЛОВА посылаю,
для доклада товарищу СТАЛИНУ, копию письма ТУРОВСКОГО.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 3-х л.

КОРПУСНОЙ КОМИССАР

И. И. Петухов
(ПЕТУХОВ)

MP-2.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

тов. В О Р О Ш И Л О В У.

~~381~~

Климент Ефремович!

Мне представлена возможность доложить Вам о себе. Свыше месяца я сижу в тюрьме и это помогло мне по настоящему самокритично проанализировать самого себя и свои поступки. Докладываю чистосердечно, не щадя себя. Мое преступление состоит:

1. Я своим поведением и поступками помогал подрывной к-революционной работе врагам партии. Я не нашел в себе достаточного мужества, чтобы разорвать пуповину, связывающую меня с некоторыми из моих друзей, оказавшимися троцкистами-террористами. Пуповина образовалась в результате совместного участия в гражданской войне и первых лет по ее окончании с большинством "друзей". Правда с ПРИМАКОВЫМ, как Вы знаете, мы разошлись еще в 1925 г. на почве политических разногласий и с тех пор наши отношения до последних дней не носили прежнего характера. Мне никогда не нравилась ложная героичность и самовлюбленность таких людей как ПРИМАКОВ и ПУТНА. Я был больше связан с ЗЮК. Несмотря на ряд признаков, свидетельствовавших о двурушничестве ЗЮК, ДРЕЙЦЕРА, я убажрал себя, что это отрывки прошлого и что они честно работают в партии. Вместо того, чтобы сигнализировать партии об опасности, которая грозит, я пытался этих людей защищать. Этим я обманывал партию, помогал врагам. Еще до моего ареста ознакомившись с письмом ЦК от 29.УП-1936 г. я рассказал руководящим товарищам, в том числе и очень коротко и в расстроенных чувствах Вам, о фактах моих отношений с этими людьми, но не нашел в себе сил ясно сказать о своей вине, сведя ее к либерализму, когда на деле было прямое покрывательство и пособничество. Наиболее подробно о всех фактах я доложил т.Балицкому. Факты моей помощи заключались: 1) Я ходатайствовал о незадержке в выдаче партбилета ДРЕЙЦЕРУ, 2) я постоянно защищал ЗЮКА, рекомендуя его как хорошего командира, 3) я высоко

расценивал способности ШМИДТА, 4) я при встрече сообщил ЗЮКУ и ШМИДТУ об аресте ДРЕЙЦЕРА, не предполагая, конечно, что они участники к-р организации. О всем этом я доложил задолго еще до своего ареста.

II. Я должен разоблачить себя и за собственное, порой безответственное критиканство, которое мне ранее представлялось здоровой критикой, а на деле было злом. Я позволял себе неодобрительно отзываться о ряде лиц нашего высшего военного командования. Я подвергал критике правильность некоторых решений, так, например, о награждении орденами жен ИТР на слете, о создании казачества на Дону и Кубани. Я критиковал проведение заранее подготовленных маневров. Я считал неправильной структуру организационную наших кавсоединений. Все это я говорил, главным образом, с т. КОЖЕВНИКОВЫМ (Нач. ПУОКР).

III. Я обманул партию не написав в картотеке точно о своей позиции в 1923 году, когда я фактически сидел в болоте, тогда активно не выступал против оппозиции и не поместил о своем участии в армейской Белорусско-Толмачевской оппозиции. Я голосовал однажды за их резолюцию в штабе ЛВО в 1929 году.

IV. Мой позор и преступление еще больше увеличиваются в связи с тем, что тов. Киров, во время моей работы в Ленинграде, меня лично всегда очень много учил и помогал, а я оказался пособником контр-революционной сволочи. К сожалению, очутившись на Украине в 1931 году я стал терять все то хорошее, что приобрел в Ленинграде за время 1924-1930 г.г.

Меня обвиняют как участника контрреволюционной троцкистской организации. Это неверно. Я не троцкист и хотя меня заслуженно выгнали из партии, я убежденный большевик. Участником к-р организации я не был и не знал о ее существовании. А если бы знал, то выдал бы ее. Говорю честно без всякой фальши. ШМИДТ меня оклеветал. Он украл у меня расписание Ваших поездок на маневрах 1935 года. Это был конкретный шаг к покушению. А ШМИДТ отрицает какую-либо подготовку.

Бесконечная мука и страшная тоска не дает покоя ни днем, ни

ночью. Подавляет сознание, что все товарищи и бойцы - друзья и родные считают тебя врагом народа. Это самое страшное наказание. Я хочу закончить тем, чтобы сказать: я люблю свою родину и готов всегда отдать за нее свою жизнь. Мне бесконечно дороги интересы родной Красной армии, интересы нашей великой партии Ленина-Сталина. Я прошу представить мне возможность на деле, на любой работе доказать это. Я не покажу ни своих сил, ни своей жизни, чтобы загладить хоть частично свою вину.

Быв.комкор - зам.ком.войсками

ХВО - ТУРОВСКИЙ.

6.X.1936 г.

П.С. Я очень прошу, чтобы Вы или тов. Гамарник нашли возможным со мной поговорить.

ТУРОВСКИЙ.

П.С. Клевету ШМИДТА я об"ясняю так: у него при обыске обнаружено расписание поездок и пребывания Наркома на маневрах 1935 года с надписью карандашом: "Только т. Туровскому". Этот документ украден у меня ШМИДТОМ. Последний отрицает какие-либо реальные шаги к покушению. Факт покражи изобличает его в этом. Возможно, что документ ему нужен был для отчетности перед поручившими ему убийство. Поэтому нужна версия, что я ему дал этот документ. А я ему его не давал. В своих первых показаниях ШМИДТ говорит, что я ему дал на хранение портфель. Это чепуха. Зачем мне понадобилось давать на хранение портфель, когда у меня был штаб с охраной?

ТУРОВСКИЙ.

Верно - подпись.

ВЕРНО: *Туоровский*